

Этот взлет, этот взрыв чувств укладывается в диалог понимания нашедших друг друга. Интонация искренна, естественна, но порой поэты вступают в иную фазу, или антифазу, и стихи звучат диссонансно. Они как бы перебивают друг друга. Один настаивает, другой пытается уклониться, впадает в рассудительность... и все-таки сдается, ибо что может любящий противопоставить любящему?

Оба – и она, юный поэт, и уже опытный в творческих взлетах и падениях Он – в равной степени талантливы, умны, жертвенны и вместе с тем слепы – шаг до пропасти, шаг до взлета...

Эта небольшая книжка останется во времени, ибо только настоящие стихи о любви никогда не стареют.

Галина Гампер

Հօհկամեթական

***

Обещай, что умру у тебя на руках,
Поклянись, что хотя бы у ног
Умешусь,
обращусь в попираемый прах:
Лучше места я выбрать не смог.
Не смотри, что в беспамятстве или в бреду,
Что во сне утону,
в смутном сне.
Оглянусь непременно,
С оглядкой уйду,
Дуновением, тенью в окне.

***

Машинка "Зингер". Старая еврейка
Из двух простынь воссоздает одну,
Бранится – что за чертова семейка,
Без ерзанья не отойдут ко сну.

Увидела в окне кривого Вайса.
Кладет Отец ей руку на плечо:
Работай – говорит, – не отвлекайся,
Не прохлаждайся, не пора ещё.

Винтажный фестиваль

***

В эту воду нельзя войти дважды,
Но, как видите, я захожу,
Не какой-то солдатик бумажный,
Но на редкость пронырливый жук.

Я стою, и плывут предо мною
Земли, лица, во мгле берега.
Лес прозрачный струится – весною,
По зиме – золотые снега.

Сад колхозный, залит карбофосом,
Гонит волны, вскипает бурун,
Сторож, дед с незабвенным барбосом,
Заливается – брешет брехун.

Набегает, кострищами пышет
Зашибивший деньгу стройотряд.
Я хочу их гитары расслышать,
Но не слышу, увы, глуховат.

Вот прибрежную отмель относит,
Баб хмельных, мужика без портока.
Вслед нахлынула горькая осень,
Яд древесный попал в кровоток.

И совсем уж напрасная встреча,
Не к добру и некстати совсем:
Лодка с девушкой, Оредеж, вечер.
Но зачем она здесь, ну зачем?

***

Замыкается круг.
Замедляется шаг.
Защищается друг.
Отбивается враг.
И репризы плывут
Незнакомых сонат
На единственный суд
В тот единственный сад.

Больше точек, чем слов.
Больше пауз, чем нот.
Больше нет городов.
И ненужных забот.
И зовет не набат,
Подгоняет не кнут
В тот единственный сад
На единственный суд.

Катерина Соколова

ЗМЕЯ

Я убила змею: на рассвете
в палатку вползла
И за это своей поплатилась сверкающей шкурой,
Но никто не услышал вокруг,
как она умерла:
Ни сосняк желторотый,
ни бор озабоченно-хмурый.

В трех соснах ты запутался,
как в запятых перед «да»,
И не мне рассуждать,
что в свои тридцать три ты постиг. Ну —
Убивай же скорее, — никто не услышит, — горда
И безмолвна я стала, как эта змея.

И не вскрикну.

***

Оклеветали. Прокляли. Убили.
Нет слез, нет слов, а только дрожь и сон
О том, как вынимаю из петли я
Тебя. И ты чему-то удивлен.
Убили и повесили. И плачет
Жена. А мне — прости — невмочь. Я с плеч
Не сброшу это, как она — в калачик
Свернувшись с горя. Мне, как ей, беречь
Дитя не надо. Я тебя по нимбу
Узнаю, я расслышу твой призыв —
И не сломлюсь, не сдамся, не погибну,
Не отомстив.

***

Что мне в улицах этих и в этих убогих дворах
В Дровянном переулке, в зеленых клочках — на Марата,
В непарадности арок глухих, в беспризорности птах,
В неподвижности стрелок разбившегося циферблата?!

Что мне в этих огромных колоннах и колоколах,
Что мне в тусклых крестах над Никольским собором,
и что мне —
Что мне здесь, где три века бессильны Христос и Аллах
Пред проклятьем чухонским, как пред наводнением
в Коломне?

Мне б уехать отсюда скорее — на юг, в Коктебель,
Чтоб не слышать, как шаркает рядом незримый изгой,
Чтоб не видеть, как плачет на мостике мадемузель,
И Чайковский — с Есениным бродят по Малой Морской.

Виталий Честеретко

***

Теряя и вес, и обличье,
По-птични из чашки сглотнув,
Триолями бойкими свищет,
Потом отдувается — уф-ф,
Флейтистка, окно отворяет —
Ей надобен свежий поддув.

Выводит на флейте альтовой
Умывшись едва, натощак.
Отличная слышимость — повод
Представить, как певчий маньяк,
Соловушка, скрылся под полог
Листвы, и объял его мрак.

Сегодня отправимся в Стрельну,
А может быть в Петродворец.
Поедем по узкоколейной
Дорожке в шагреневый лес.
Там в парке заросшем — усадьба,
Зовется теперь райсобес.

За утренним кофе свирелью
И чайник звучит, и скворцы.
На рельсах ремонтной артелью
На воле звенят молодцы,
Нет все-таки то молодицы
Трамваи ведут под уздцы.

Пять пальцев играют в пятнашки,
А флейта сама по себе.
Утоп я, погряз в белой чашке,
В гадательной бурой бурде.
Там профиль девичий и птичий
С решающей ролью в судьбе.

Почувствовал – тронула клапан
На сердце, прикрыла чуть-чуть,
Прижала сильней, тихой сапой
Вдавила – никак не вздохнуть.
Весь свет, что сиреню заляпан,
Померк и потек в дальний путь.

Но счастливо и аккуратно
Закончен на флейте полет,
Улыбка – на сердце заплатка.
Флейтистка смеется и пьет,
И клапан отжала обратно,
Заправила в рот бутерброд.

Твержу про себя – твою мать,
Довольно, довольно играть.

***

Испортилось зеркало непоправимо –
Полнит, передёргивает; неподъемны
Набрякшие вски – слезливая глина,
Во взгляде тоска, изумление овна
Пред новостью ношеной, невыносимой.
Она ни в никакие не лезет ворота,
Безумная старческая образина
Встречалась и на-
поминает кого-то –
Отца,
во всех смыслах: папашу и бога,
Отца вместе с сыном. Теперь различимы
Детали, отличий не так уж и много:
Оттенки,
тональность застольной кручиньи.

Наталья Соколова

***

Электрички осипли. Озябли платформы
под выпавшим
За ночь снегом. Грустится, зевается до ломоты
Продавщице нахохленной
и трактористам подвыпившим:
На меня, на прибывшую, вновь разевающим рты.

Помнишь, в августе мы
прилипали к асфальту подошвами
И на рельсы ложились, чтоб лоб остудить о металл,
Удивляясь тому, что,
в сравнении с летами прошлыми,
Это лето таким нам на головы боже послал.

И роптали, и ныли, убытки уже подытожили
От жары. Все боялись, что счастье в сиесту проспим.
Боже внял нашим просьбам,
расщедрился боже, так что же мы
Снова ноем, и ропщем, и убыль считаем — от зим?

***

Мне приснились сегодня стихи:
Я их слушала, сидя на камне
У приладожской хмурой ольхи —
Кто-то шепотом их диктовал мне.

И ложились, крутясь и юля,
Как песок, что волною намыло,
Строки, звуки, лады.
Только я,
Недостойная, всё позабыла!

***

Ох уж эта цыганская кровь —
Взбеленился в ней бес бездорожья!
Сколько праведность ни славословье,
Сладострастье свободы — дороже.

В степь — как в бездну. Без цели. Без звёзд.
В жизнь — как в ночь. Бесшабашно и бойко.
Средь костров, и копыт, и колёс
Отыщи меня в таборе, Лойко.

Только больше не больно от слов
Колких, ласковым взглядам не рада —
Как усталость, любовь поборов,
Дышит вольно строптивая Рада.

И не сладостен наигрыш твой,
И твоё равнодушье не ранит.
Не страдай. Не страшай. Ни строфой
Не стремись удержать, ни дарами.

Не остынут, не остынут
Норов мой ни мольбы, ни расплата.
Нет, никто из нас не виноват —
Кровь прарабки кругом виновата.

Виталий Честеретко

***

Да кто ты такая – меня оставлять?
Я богом оставлен – свистулькам внимать.
Сквозь пальцы на все расставанья
Гляжу, исполняю желанья.

Никто не жалеет – оставлен жалеть
Тебя, над тобой замирать, стекленеть,
Выстраивать божеский купол,
Выстаивать, выглядеть глупо.

Тебя не жалеют – желают, хотят
Ленивец, плешивец и весь зоосад.
Дрожа, выступают из мрака
Зверушки, зверьё зодиака.

***

Я веровал – глаза мои увидят Господа.
Он вроде острова, сияющего острова.
Но затуманились глаза в тоске, в обиде.
Нисходит жизнь на нет,
Я ни черта не видел.
Ему, водителю времен, любви подателю
Я не понадобился.
Всякий смысл утратили
Старания мои,
приблизиться попытки...
Не бог – но бездна.
И волшба.
Вишу на нитке.

***

Неужели он знает о Боге чуть больше меня,
Оттого, что покорно целует орудие казни,
Оттого, что по-бабы проворно во храм семеня,
В декольте некрещеных
он взглядом замасленным вязнет?

Неужели любовь его больше убогих забот:
Как поститься, чему умиляться с улыбкой паяца?
Да, он верит Иисусу. Мы в этом похожи. Но вот —
Завещал ли Иисус нам креститься и воцерковляться?

***

Начало начал. Но что дальше тогда, что дальше?
Смогу ли остаться собой и сыграть без фальши
До самого «до», расставляя акцент на главном:
Не быть укрошенной, не быть обольщенной фавном,
Все уши уже прожужжавшим о пользе жизни,
Смогу ли пожертвовать жизнь свою, не опершись ни
На чью благородную руку, во имя мести
Различий не знающему: что кресты — что крести,
Но вольному определять: быть тебе, не быть ли
(Строптивцам — не быть, остальным бытоваться в быдле),
Смогу ли тому, — кто бы ни был он: перс ли, бес ли, —
Противостоять?

Я не знаю пока.

Но если

Творец — за меня, буду насмерть стоять, как стоик.
А если — Ему — все равно, то и жить — не стоит.

Виталий Честеретко

***

Как можно молиться словами,
к тому же — чужими,
Когда в полуобморочном
коченею зажиме?
Какое мне дело до прописей,
просьб по шаблону?
Не знаю я что попросить.
Всё гляжу на икону.
Их трое, наверно — играют,
огромные ставки.
А мне бы на почту,
в отдел самой дальней доставки,
Чтоб взвесили, стали высматривать:
Что там внутри?
Возьми меня, боже, отсюда,
совсем забери.

***

Не хочется верить — так хлопотно,
столько мороки!
Всё как-то не верится, трудно,
но всё же — пора
Осваивать взгляд и восторженный, и однобокий.
Все сроки прошли,
начинать надо было вчера.
С газет, с новостей, надо свериться мне,
Дальше — больше:
Поверить
В доверчивость, в верность до гроба,
в загробную жизнь.
Материи всё эфемернее,
тоньше и тоньше,
Пора, уж листва облетела,
уж звезды сошлись.

Dra102

Виталий Честеретко

***

Несуразнее нет – влюбившегося старика.
Он теряет время, себя,
знает наверняка –
Беспощадно ангелоподобное существо.
Жизнь непростительной стала.
Не простить ничего,
Ни единой пропавшей минуты – ни ей, ни себе.
Он не может понять, объяснить перемены в судьбе.
Боится испортить всё,
живет, прикусив язык.
Новизны нежданной страшится
влюбленный старик.
Перекручены жилы, он тянет – как ни тяни
Не послушны брезентовые ладони, ступни.
Не слепец – и надо бы правде взглянуть в глаза.
Так жизнь сложилась –
всю дорогу брезент да кирза.
Корит его
подобное ангелу существо –
Он не чувствует боль,
не чует почти ничего.
Только дрожь, им запрятанная
глубоко внутри.
И слова лопаются –
розовые пузыри.

Иголка в сердце застряла, не проходит испуг —
Если заиграется девочка,
полюбит,
вдруг.

***

Зачем у тебя есть дом
И дочь?
Зачем мы тогда идем
Сквозь ночь
Туда, где больней вдвойне:
Где люд,
Где нас с тобой точно не
Поймут?
Зачем, проклиная март
В метро,
Толкуя о проке карт
Таро,
Мы думаем об одном —
О губ
Слиянии? Как фантом,
Бегут
Ступени, ступени — конца
Им нет.
На двух стихоплетов сам
Поэт
Взглянул. Наконец — сбылось:
Закрыв
Глаза, целовались вкось
И вкривь.
И в скрипе дверей, в "пока",
В руках
Разомкнутых, в пальцах, слегка
Рукав
Сжимавших, во взглядах, в смешках
Чечен,
И в привкусе на губах —
"Зачем?"

Виталий Гестяретко

***

Ничтожна ночь. А день еще ничтожней.
Скорей, чем думаю, Харон хромой
Однажды призадержит на таможне —
На тамошней — меня, за ропот мой.

Скорей, чем чувствую, остынут пальцы.
И плоть, которую, как золотой сосуд,
Сюда несли в дырявом одеяльце,
Обратно — в душной урне понесут.

Исчезнем мы, исчезнут лес и камни,
Дымок костра и волн упрямых лбы.
Так почему нельзя любить тебя мне,
Секунды отнимая у судьбы?

***

Когда на прощальной таможне
Возьмутся всерьез за меня,
Разденут, досмотрят — всех строже
При свете последнего дня.

Поднимут, как водится, на смех
Багаж мой — так мало сберёг,
Распорют затянутый насмерть
С богатством моим узелок.

Всего-то — хотелось оставить
Летучую небыль в судьбе,
Безделицу сущую — память
О нашей любви, о тебе.

О днях по весне, что прожили
В полётах на птичьих правах,
Порхали созвучно, любили
Недолго, светло...
На словах.

Наталья Соколова

***

В твоей груди запрятано глубоко
Одуванчиков надломленных молоко.
Там, в том же месте –
спелёнутый, больной,
Спит, проснуться не может
рассудок мой.
Над ресницами вьётся одно из двух –
Тополей сонный пух
или божий дух.
К небу близишься ты.
В цветочной пыли.
Вокруг тебя отдышиливо кружат шмели.
В припухлости целятся,
входят во вкус.
Это ваши делишки –
я не проснусь.

ОДУВАНЧИК

Не божественны руки, которым
Довелось против Стикса грести,
Зажимая заточку в горсти.

Одуванчик цветет под забором
Вот бы мне рядом с ним прорasti!

Но душа — истощенный освенцим,
Обернувшийся Каином Кай,
После “айн” не промолвивший “цвай”.

Не целуй же мои заусенцы,
Одуванчиком не называй.

Наталья Соколова

***

Не молитву, не рифму, не песню
я шепчу,
мне теперь излечение болезней
по плечу,
я, наверное, стала наивной,
как трава, —
не молитвой, не песней, не рифмой
я жива:
между строк, между тактовых линий
ловит взгляд —
имя. Всюду мерещится имя.
Звукоряд
или радуга; буква за буквой —
семь чудес.
Я, наверное, выгляжу глупой —
у небес
ничего не прошу. Мне отныне —
хоть в тартар,
Только память оставь. Только имя —
Высший дар.

***

Подъездные бабушки в пуховиках, в платочках
Проморгали нас. Друг за дружкой, поодиночке
Просочились мы, прошмыгнули в рабочем порядке.
С утра во дворах темновато на Петроградке.

Они отвлеклись, обсуждая худые вести.
Но то, что мы были вместе – останемся вместе,
Пронюхала овчарка дворника из подвала:
Учуяла, сука, но виду не показала.

Старухи всё знают – и ты им веришь на слово,
Сказали – глаз на тебя положил участковый,
Тебе смотрит в спину, на пальце крутит браслеты.
Мечтатель, он знает наверно и с кем ты, и где ты.

Художник в мансарде живет, всех подряд рисует,
Навроде живого журнала, намётки судеб
Выводит тушью, пером, иногда гуашью.
Он видит нас порознь, но это пустяк – не страшно.

Виталий Честеретко

***

Голоса деревьев – доводилось мне
Слышать, как кричат в разгар порубки.
С запозданьем, будто в полусне
Пробивается сквозь ветер зов их хрупкий.

Так и ты – в теснейшем отдалении
Окликаешь и – не видишь будто.
Аутичное благоволение.
Тягость нескончаемого утра.

Видишь, оказалось всё по-моему –
То есть понапрасну и бесцельно.
Вместо лиц – апрельские промоины
Чувств, разводы краски акварельной.

С акварелью запросто разделаться,
Ливень полыхнет – и нет как нету.
Ты, раскрывшееся солнцу деревце,
Аккурат зазеленеешь к лету.

К четвергу пророками обещаны
Проливень, сиянье, день погожий.
Будущей черемуховой женщине
Упоение слезное – до дрожи.

Зарастешь корой обычной, горькою,
Преданной обзаведешься тенью.
Жаль увидеть не смогу, поскольку я
В общем, позапрошлое растенье.

Ducco Hart

Наталья Соколова

***

Ради этого трактора страдного, смрадного кузова,
Ради жизни кукушки — ни слёз, ни гнезда, ни кола, —
Я тебя с твоей заумью хмурой на выжжено-русого
Паренька променяю — на лето: была — не была!

Мне близка его грубая радость, развратная жилистость,
Загорелость локтей, разлохмаченность жестких чупров.
Даже если мы с ним никогда в один взор не ложились, то
Вовсе это не “сторге”, — не знает он выспренних слов,

И не ведает, что вытворяет, потворствуя Дьяволу —
Вороному, с отметиной рыжей что бубновый туз.
Подожди, я допью эту юность, я в лете доплаваю,
До-летаю, до-бегаю, до-увлекусь, до-розвлюсь.

А потом всё равно заскучаю по антиутопиям,
Перейму все твои антипатии, взгляд украду,
Буду жаждать вкусить твоих губ упоительный опиум,
Буду глупость бояться сморозить в январском саду.

И в глухую интеллектуальную зиму я так и не
Уясню, чем пленил меня пахарь, и как довелось
Мне страдать по нему, даже бегать тайком буераками.
Мимолётности летние канули в Лету.

Авось...

***

Благоухает скошенная трава.
Её всхлипы слышны – ещё жива,
Не поймет, что с ней,
с её головой.
Я ведь тоже скоро
стану травой.
Как одуванчик – лёгок и белогрив,
Пустую голову
ниц уронив.
Газонокосильщик – смурной азиат,
Лужайки, газоны во власти его.
Порезы сочатся, поджилки дрожат.
Грядет темной азии
торжество.
Он будет ходить тут с восьми до пяти.
Трава будет заново, гуще расти.
До самой зимы - нескончаемый рост.
Пахучее сено.
Ушастый компост.
И ты, моя дачница с умненьким лбом,
Скрываешь на сердце крестьянскую жуть.
Подходишь, склоняешься, вострым серпом
Под корень берешь,
норовишь полоснуть.

***

Должно быть, старость:
мало, скверно сплю.
Бесправие ночное, обнищанье.
Страшусь себя, боль верткую ловлю —
Душа болит, должно быть —
на прощанье.
Ужасны сны, во сне сойду с ума.
В обвалах памяти я изувечен,
Заброшен.
Зарождается сама
Мысль, приговор — я смертен,
я кончен.
Сжимаюсь в точку, делаюсь как мышь,
Лишь сердце ухает.
Лежу, моргаю...
И ты уже спокойно ждешь, следишь,
Как скорбно, судорожно
засыпаю.

***

Ничего не хочу. Говорили же древние суфии:
захоти захотеть, — но и это желанье пропало.
Остывают — приходит пора — и костры, и Везувий,
вот и я отгорела, устала. Ни много ни мало —
я достигла блаженного, наполовину безумного
состояния мудрых и к Высшему вхожих, в котором
я могу обращать свои помыслы, умыслы, думы во
всемогущую силу намеренья. Нашим раздорам
я могу наконец приказать завершиться, к вершинам
не стремлюсь, — лишь почувствовать локтем
моменты касаний,
передать тебе... Зря замечталась о неисполнимом,
потому что проснулась единственное
из желаний.

СОБАКА

Октябрь. Мороз. Глазастая собака
ласкается (хотя не обояден
наш интерес) к колену, мол: соблаго-
волите в дом пустить, к печи и к людям.

И мне бы тоже обратнем оземь
удариться. Ласкаясь, боком, боком
проникнуть в дом — и Болдинскую осень
втянуть собачьим носом ненароком.

Но не удастся выскользнуть незримо.
Подставят головеху к носу, к пауху —
чтоб выгнать из дома, дадут понюхать дыма, —
и выставят за двери. Как собаку.

***

Как хотите, но собаки невыносимы.
Скоро старятся
и
медленно умирают.
Тягостна печаль
по подыхающей псине,
Сокрушительна –
подводит к самому краю.
Там дальше – сердца болезнь,
ключья седой шерсти.
Гляжу на коллаж
старческих, одутловатых
лиц. Убеждаюсь –
старикам нельзя быть вместе,
Их надо скрывать втуне,
в зеленях припрятав,
Исчислять в долях
на единицу объема.
Как бы ни хорохорились, ни молодились,
Они шатки –
выпадают из окоёма,
Смотрят – будто выпрашивают божью милость.
Ужасен старец, упивающийся силой,
старческой властью, мощью,
взирающий гордо.
Старику должно знать
дуновенье могилы.
Вступать в оную смиренно
по грудь,
по горло.

Как ни тщился, не чаял – хлебнул землицы,
От поднесенной не смог уберечься чаши.
Из нежных рук одной
сумасбродной девицы.
Напоследок.
Последнее счастье наше.

ЗАБВЕНИЕ ПО ЗАБЫЧИВОСТИ

Заблокирован номер – молчок.
Вознеслась в поднебесье стена –
Кто-то запер эфир на крючок.
Подытожили. Подведена

Подо мной, говорливым, черта,
Нанесен окончательный штрих –
Искривленная линия рта.
Я заткнулся. Замкнулся. Затих.

И на вкус, и на ощупь – стена,
Что особенно скверно – на слух.
Из сермяги правдивой, рожна
Векового застенок мой, глух

К причитаниям: как же мне быть?!

К восклицаниям: так вашу мать!
Оборвалась бессвязная нить.
Каменею, стеною стоять

В самой скорой из метаморфоз
Предстоит. Затвердел, онемел,
Сквозь известку всем сердцем пророс,
Всей наружностью стал – чистый мел.

Наталья Соколова

***

Настанет день — вдоль улицы твоей
Пройду бесшумно и возьму с собою
Всю память обо мне. Из дум, речей
Твоих сотру себя. Взамен же встрою
В страдающий твой разум новый код,
На радости зацикленный, на счастье,
Где б о л е любимая найдет
Тебя, и скажет “Здравствуй” вместо “Здрасьте”.
А я останусь мороком и сном,
Догадкой о какой-то предыдущей,
Щемящей жизни, где твой стих не хром
И мой стигийский плот еще не спущен.
И только в предрассветный час, когда
Бормочешь рифмы, я подсяду ближе.
И ты вдруг без особого труда —
Совсем случайно — обо мне напишешь.

***

Забыла, как надписывать конверты.
Забыла, сколько лет тому назад
Строчила письма. С нетерпением Герды
Ждала ответа. Десять раз подряд
Недетским почерком изложенные мысли
Заучивала. А теперь в Сети
Пересеклись, зафрендились, зависли,
И не узнать, не тронуть, не найти
Т о г о тебя вот в этих — словно в гипсе —
Строках-калеках: суть неглубока,
И буквы ровны, и не дрогнет пиксель
Там, где запнувшись, дрогнула б рука.

Dong & myzuka

Виталий Честеретко

***

Совсем как твой рояль –
я сделался послушным,
Отзвывчивым, дрожал
распахнутым нутром,
Прикосновений ждал –
греховный, двоедушный.
Я припадал, ловил
музыку жадным ртом.
Вздымались сверх меня,
выплескивались волны,
Я полон был тобой
Всецело, в каждый миг,
Утратив волю,
становясь древоподобным,
качающимся в такт,
как мыслящий тростник.
Я мог бы послужить
тростинкой для свирели,
Когда б узнал о том,
что ждет нас впереди,
Когда б находчивые мастера
сумели
Наделать дырочек во мне,
в пустой груди.
Безжалостна, ты все
рассказывала сестрам,
Не только им – ещё
был слушатель один.
Он объяснял меня
доходчиво и просто:
Мучитель музыки, роялей
господин.

***

Я бегу за дождём по мостам, переходам и улицам,
За спиной у толпы запинаясь о старый асфальт;
Строят козни дворы; розовея, реклама гламурится.
Ливень — как пианист — расправляет
неровности фалд
И готовится дать двухнедельный концерт над Исаакием.
Как по клавишам чёрным,
вдоль чёрной бурлящей реки
Я бегу за тобой, пианист, по поребрикам лаковым.
Я умею играть — так сыграем в четыре руки!
Каждый в городе — в нотный значок дождевой
закодирован.
Пианист, не спеши с пешеходов срывать капюшон —
Каблуками, зонтами, словами мы
аккомпанируем,
И пассажами каждый шагающий заворожён:
To staccato стучишь, то на волны
опустишься piano,
Петербург, как рояль, весь дрожит от октав на басах,
Септаккордом деревья измучены,
ангелы пьяны,
И внимают тебе Пётр, Сергей, Родион, Исаак,
Все, кто слушал рапсодий осенних
рассеянный ропот,
Кто запомнил тональность взыгравшей
балтийской волны.
Я бегу за тобой, я кричу, забывая про робость:
— Пианист, оглянись! Мне другие дожди не нужны!

Наталья Соколова

***

Моцарт вырос. Он теперь не вундеркинд, а враг, соперник, конкурент. Нет аплодисментов, роз и лент. Там, где зависть в беспощадном бунте Новый обозначила акцент.

Моцарт вырос. Те же лица, что — он Видел — улыбались, нынче — злы. Всюду взгляды — острые углы, И камзол в который раз заштопан, Башмаки потертые малы.

Моцарт вырос. Больше он не нужен Для увеселения двора. Не годится новая игра, Как сюрприз на королевский ужин, — Моцарта заменит мишурा.

НА ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Сон оставлен в живых,
сон живет.
Проспиртованным чистым железом
Был зарезан безжалостно лед.
И молва разнесла – лед зарезан.
От василеостровских дворов
Шел я, видел своими глазами –
Лед кровав на заре, лед багров.
Город сонный очнулся и замер.
Лед просвечивает – унесло
Снежный пух,
снег полёг за причалом.
Лед поблескивает, как стекло,
Разрастается – цельным кристаллом.
Режь на линзы его – на очки,
Я и сам в те очки поглядел бы.
На заливе сидят мужички
Водку греют, мясные консервы.
Водки хватят – закусят борщом,
Поиграются нервною стрункой:
Знают люди, что лов запрещен,
Но приходят, колдуют над лункой.
Самой чистой бесслезной стеной
Мир подводный от нас отгорожен.
Смотрит снизу, блестит подо мной
Зверь таинственный, змей иглокожий.
Протянулся стрекочущий след
Стрекозы винтокрылой по небу.
Затонувший, блуждающий свет
Просочился.
Чухонскую небыль
В прошлой жизни столкнули под лед.
Прихожу повидаться я с нею,
Жду, когда подойдет, подплывет,
Ей навстречу дышу, леденею.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САДИК

Предумышленный город – весь в замыслах,
всё – неспроста.
И куда ни ступи – ожидай непременно подвоха.
В славе непреходящей дурной
пребывают места:
Реки, скверы, дворцы
– в ожиданье развяз.
Скверно, плохо.

Александровский садик
трясет шевелюрой живой.
И орудуют корни его
в вековых нечистотах.
Может статься, средь зелени давней
с постыдной судьбой
Стынет тень Кузмина,
до сих пор поджидает кого-то.
Как цирюльник завзятый,
готов Александровский сквер
Мною лично заняться,
садовой моей головою,
Мои мысли на ложноклассический модный манер
Причесать и завить,
на макушку побрызгать листвою.

Сад тенями играет, тасует их,
животворит.
В кронах – трепет и страх,
ветер западный – сумрачный странник,
По расхлябанным клавишам листьев взбегая,
шумит,
По скамейкам высматривает
заседателей ранних.

Виталий Честеретко

Винтажный фестиваль

Мне часок переждать, посидеть,
только б не замарать
Репутацию – злы языки, и язвительно слово.
Здесь аттический старец изволит взирать, выбирать
Среди юношей вертких, смазливых,
отнюдь не дешёвых.
В этом мире теней голубых
и зеленых теней,
Кто поверит, насколько пугливы мечты мои,
кrotки.
Будто клен полуголый – я сохну,
мечтаю о ней,
О прелестнице юной,
о ямочке на подбородке.
Я опять замечтался, забылся, и наперебой
Ветры книгу листают в руках,
шелестят беспробудно.
Александровский садик красуется, занят собой.
Мы ему досаждаем – и ветрено нынче и людно.

Наталья Соколова

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Он первый объяснил мне суть гармоний,
Хоть и чудной его казалась школа.
Он нес ко мне свой смех неутомонный,
И кипу нот, и запах корвалола.

Он был учитель, а хотел быть другом,
Но я тогда не ведала отличий,
Я не любила этот профиль птичий,
Я не пыталась пристраститься звукам.

А он прощал прогулы и проделки,
Играл на флейте и дарил мне флоксы,
И бредил всё порогами Вуоксы,
Прислушиваясь к пульсу волн на Стрелке.

Мы как-то выступали с ним на Невском:
Паясничали, с музыкой шутили,
И хотели купола и шпили.
А нынче мне и посмеяться не с кем.

И он теперь богат одним оболом,
И в Лосево давно остывли угли,
И горько слушать «Похороны куклы»,
И больно, если пахнет корвалолом.

Ekcoff

СЧИТАЛКА

Здравствуй. Сколько лет,
Сколько зим
Не смеемся в плед,
Не скользим
По лыжне, полынь
Не жуем,
И куда ни кинь
Взгляд — быльем
Поросли леса
И холмы,
Где тогда пляса-
ли не мы
Нынешние, но
Два иных
Существа — давно
Нет у них
Права не прийти
На обед
Бабушкин, и ти-
хого нет
Часа: тот же плед —
Сны не те,
И любви недст-
ской для де-
сятилеток нет —
Всю изру-
било время, мет-
ко из рук
Выпала моне-
тка — да в сныть:
Ни тебе, ни мне
Не водить.

Катерина Соколова

***

Для питья вода с укропом, —
Заливать шербет.
В картах пишут — тут Европа,
Веры картам нет.

В край духанов с низкой крышей,
В ханство юных спин,
К морю — кубарем, вприпрыжку —
Гонит серпантин.

В спинах тех — извины моря,
Нежные хребты
Солоны. В подсохшей соли
И глаза, и рты.

Южно-крымские татарки
Гривы красят хной.
Ходят чинно, как цесарки,
Перед чайханой.

В ночь в саду под лунным оком
Режут на куски
Дыню, мажут дынным соком
Темные соски.

Много я про них разнюхал,
В щелку подглядел,
Слушал, прижимался ухом
К раковинам тел.

Моря шум и дрожь деревьев,
И любовный страх,
Всё расслышал ночью древней,
Милостив аллах.

Виталий Честеретко

Не испил я, но пригубил
Дынний теплый мед.
Звезды знают, что на убыль
Век мой в ночь течет.

Знают звезды, был я долго
Попусту храним,
Унесут иные волны
В позабытый Крым.

НОЧНАЯ РЫБАЛКА В ЗАЛИВЕ КАГОСИМА

До чего же пронырливы эти японцы,
Приспособят удавку баклану на шею
И рыбачат, покуда не выгляднет солнце.
Птица схватит рыбешку – сожрать не сумеет.

За ночь запросто могут заполнить корзины
С верхом, пуп надрывают, покамест дотащат.
Под луною бугрятся японские спины.
Мне по вкусу их промысел – злой, настоящий.

Но себя я сравнил бы скорее с бакланом,
Тянут, водят на привязи вышние силы.
Я вишу в положеньи почти бездыханном,
С расцарапанной глоткой, испачканный илом.

***

Меня к местам свиданий тянет, словно
К местам кровопролития — убийцу.
Туда, где наша речь еще клубится
Морозным паром, где не слышно слов, но
Всё ясно с полужеста, к полноруким
Богиням, замерзающим под снегом,
К сквознячным подворотням и калекам,
Чтоб выжить — прижимающимся к люкам.
Прости, забыла, что наш сад расхристан
Теперь, и наш январь тебе не люб, но
Скажи: ужели вправду так преступно
Любить, раз можно сравнивать с убийством?

***

Мы смеялись с тобой в коридоре больницы.
Изможденные лица, усталые лица
Возмущенно косились — мы не замечали.
Это было вначале,

А потом целовались и пальцы сплетали,
Вдоль колен теребили друг друга, вдоль талий,
И твоя молодая, в капроне, врачиха
Ухмылялась: "Ну лихо!"

Твой сосед по палате, он тоже инфарктник,
По привычке в пижаму сморкавшись, как в фартук, —
Он мясник, — говорил тебе: "Меньше гулял бы —
И не тюкнуло б!" Залпы

За окном раздавались, ведь выборы — праздник
Для кого-то, а нас эти казни и казни
Не касались, возней муравьиной казались.
Не вдаваясь ничуть в матанализ,

Мы другие открыли с тобой измеренья,
Где жестокое для человечества время
К бесконечности ежесекундно стремится
В коридоре больницы.

Виталий Честеретко

***

Вот крестик, хочешь – поклянусь
Последней клятвой, клейкой?
Блаженством жалким обернусь,
Всплакну в ночи жалейкой.

Вот образок, в последний раз,
Живой под смертным гнетом,
Попробую здесь и сейчас
Забыть свои заботы.

Вот жизнь пропащая – как есть:
Вся – наспех, всё случайно,
Всё – месть за страх. И эта месть
Ни для кого не тайна.

Куда ни ткнусь – кресты, слова –
Без вести, ниоткуда.
Я сам – отнюдь не голова,
Гарнир с другого блюда.

Я поклянусь – а ты поверь:
С улыбкою секундной.
Из всех обдуманных потерь,
Была ты самой трудной.

Лукавство ветреной души
Любых божеств – главное.
Забудь о всех, для всех пляши
Плясунья, Саломея.

مَدِينَةُ الْمَهْمَّاتِ

Виталий Чесноков

Родился в 1962 году. Публиковался в журналах и альманахах "Нева", "Молодой Петербург", "Аничков мост", "Четверг.Вечер" и других. Член литературной студии Г.С. Гампер.

Катерина Соколова

Родилась в 1992 году в Санкт-Петербурге. Стихи публиковались в журналах "Звезда", "Нева", "Северная Аврора", "Аврора" и других. Член литературной студии Г.С. Гампер.

Благодарим

Галину Сергеевну Гампер, Гриту и весь коллектив Студии,
где мы выросли как стихотворцы, за любовь к нам, а также за мо-
ральную и материальную поддержку.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Галина Гампер)	3
-----------------------------	---

Конкетизация

Виталий Нестеренко

“Обещай, что умру у тебя на руках...”	5
“Машинка “Зингер”. Старая еврейка...”	5
“В эту воду нельзя войти дважды...”	6

Калерия Соколова

“Замыкается круг...”	7
Змея	7
“Оклеветали. Прокляли. Убили...”	8
“Что мне в улицах этих и в этих убогих дворах...”	8

Виталий Нестеренко

“Теряя и вес, и обличье...”	9
“Испортилось зеркало непоправимо...”	10

Калерия Соколова

“Электрички осипли. Озябли платформы...”	11
“Мне приснились сегодня стихи...”	11
“Ох уж эта цыганская кровь!...”	12

Виталий Нестеренко

“Да кто ты такая — меня оставлять...”	13
“Я веровал — глаза мои увидят Господа...”	13

Калерия Соколова

“Неужели он знает о Боге чуть больше меня...”	14
“Начало начал. Но что дальше тогда, что дальше...”	14

Виталий Нестеренко

“Как можно молиться словами...”	15
“Не хочется верить — так хлопотно, столько мороки!..”	15

Диалог

Виталий Нестеренко

“Несуразнее нет влюбившегося старика...”	17
--	----

Калерия Соколова

“Зачем у тебя есть дом...”	18
“Ничтожна ночь. А день еще ничтожней...”	19

<i>Виталий Нестеренко</i>	
“Когда на прощальной таможне...”	19
“В твоей груди запрятано глубоко...”	20
<i>Калерия Соколова</i>	
Одуванчик	20
“Не молитву, не рифму, не песню...”	21
<i>Виталий Нестеренко</i>	
“Подъездные бабушки в пуховиках, в платочках...”	22
“Голоса деревьев — доводилось мне...”	23

Русская

<i>Калерия Соколова</i>	
“Ради этого трактора страдного, смрадного кузова...”	25
<i>Виталий Нестеренко</i>	
“Благоухает скошенная трава...”	26
“Должно быть, старость...”	27
<i>Калерия Соколова</i>	
“Ничего не хочу. Говорили же древние суфии...”	28
Собака	28
<i>Виталий Нестеренко</i>	
“Как хотите, но собаки невыносимы...”	29
Забвение по забывчивости	30
<i>Калерия Соколова</i>	
“Настанет день — вдоль улицы твоей...”	31
“Забыла, как надписывать конверты...”	31

Рождь и музыка

<i>Виталий Нестеренко</i>	
“Совсем как твой рояль...”	33
<i>Калерия Соколова</i>	
“Я бегу за дождем...”	34
“Моцарт вырос...”	35
<i>Виталий Нестеренко</i>	
На Финском заливе	36
Александровский садик	37
<i>Калерия Соколова</i>	
Памяти учителя	39

Эксод

Калерия Соколова

Считалка 41

Виталий Нестеренко

“Для питья вода с укропом...” 42

Ночная рыбалка в заливе Кагосима 43

Калерия Соколова

“Меня к местам свиданий тянет, словно...” 44

“Мы смеялись с тобой в коридоре больницы...” 44

Виталий Нестеренко

“Вот крестик, хочешь — поклянусь...” 45

Об авторах

Виталий Нестеренко 47

Калерия Соколова 47

Благодарности 48

Содержание 49

Калерия Соколова, Виталий Нестеренко

ДВОЕСТИШИЕ

Стихи двух петербургских авторов